

Нечаева М. Ю. Монастырские ландшафты и просопография монашества: точки пересечения / М. Ю. Нечаева // Научный диалог. — 2017. — № 10. — С. 236—248. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-236-248.

Nechayeva, M. Yu. (2017). Monastery Landscapes and Monkhood Prosopography: Intersection Points. *Nauchnyy dialog*, 10: 236-248. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-236-248. (In Russ.).

УДК 322:27-788(470)“18/20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-236-248

Монастырские ландшафты и просопография монашества: точки пересечения

© **Нечаева Марина Юрьевна (2017)**, orcid.org/0000-0003-3278-7269, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора методологии и историографии, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук (Екатеринбург, Россия), atlasch@narod.ru.

Рассматриваются перспективы использования просопографических данных для изучения монастырских ландшафтов. Приводится авторское определение монастырских ландшафтов, учитывающее специфику исторических исследований. Рассматриваются основные уровни монастырских ландшафтов (локальный, региональный, страновой). Дается характеристика наиболее существенных изменений объектной базы монастырских ландшафтов в результате секуляризационной реформы 1764 года, декрета об отделении церкви от государства 1918 года и возрождения религиозной жизни в России с конца XX века. На основе анализа современной историографии российского монашества синодального периода и двух авторских баз данных показаны возможности использования просопографических материалов для исследований ландшафтов. Отмечена перспективность их использования при изучении церковно-организационных и духовных связей между обителями (региональные и страновой монастырские ландшафты), географии неформальных контактов представителей монашеского социума с мирской периферией, культовых практик монашеского социума, социальной и культурной среды формирования и функционирования монастырей (локальные монастырские ландшафты), а также для анализа трансформации монастырских ландшафтов после 1917 года. Для просопографических исследований монашества ландшафтный подход дает возможность увидеть визуализацию ряда социокультурных характеристик коллективной биографии монашеского социума в комплексе природно-культурных объектов.

Ключевые слова: культурные ландшафты; монастырские ландшафты; монашество; просопография; Русская Православная Церковь; базы данных; история монашества.

1. Введение

Термин «культурные ландшафты» употребляется в двух контекстах — в рамках междисциплинарных исследований по культурной (гуманитарной) географии и как характеристика некоторых объектов культурного и природного наследия, подлежащих охране. В настоящее время уже сформировалось несколько подходов к изучению культурного ландшафта, из которых наиболее близким к проблематике исторической науки является информационно-аксиологический подход, активно разрабатываемый в Институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова, Р. Ф. Туровский). Согласно этому подходу, «культурный ландшафт — природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности» [Веденин и др., 2004, с. 14—16]. Авторы этого подхода особо подчеркивают, что «ведущим компонентом» культурного ландшафта является система ценностей, в значительной степени определяющая направленность ландшафтообразующих процессов.

Историки несколько позже культурологов и географов включились в исследование проблематики культурных, и в частности монастырских, ландшафтов и в настоящее время еще только определяют свое понимание терминов с учетом основной — социальной — направленности исторических исследований и специфики источниковой базы, налагающей объективные границы на возможность применения терминов к материалам различных периодов.

2. Антропологизация монастырских ландшафтов

В предложенных типологиях культурных ландшафтов как объектов наследия монастырские ландшафты относят к ассоциативным (по признакам степени преобразованности и культурной освоенности исходного природного ландшафта), сакральным (по типам исторической деятельности) или выделяют в особый тип (по типам культур, которые обладают или обладали собственным «почерком» освоения ландшафта) [Кулешова, 2004б]. Последний из этих подходов представляется нам наиболее перспективным в изучении монастырских ландшафтов в исторической ретроспективе не только на локальном уровне, но и на региональном и страновом.

Изучение монастырской культуры невозможно без анализа ее носителя — монашеского социума. Поэтому мы полагаем оптимальным для

междисциплинарных исследований понимание монастырского ландшафта как природно-культурного территориального комплекса, сформировавшегося в процессе функционирования монашеского социума и имеющего характерные для монашеского образа жизни ландшафтные образы и географические формы. Монастыри при данном подходе должны изучаться в рамках полной пространственной организации всех сфер их деятельности и социальных контактов (локальный уровень) (см., например: [Кулешова, 2004а; Михайлова, 2011; Шаляпин, 2006]), анализ церковно-административных и духовных связей между отдельными монастырями составит региональный уровень исследований, а преемственность монашеских традиций и форм жизнедеятельности в масштабах национальных церквей — страновой.

При выделении монастырских ландшафтов важно учитывать исторически меняющиеся сферы влияния религиозных институтов. Объектная база российских православных монастырей, например, принципиально менялась в результате реализации секуляризационной реформы 1764 года, декрета об отделении церкви от государства 1918 года и возрождения религиозной жизни в России с конца XX века.

Если до 1764 года пространственная организация жизни монашеских социумов проходила не только в стенах обителей, но и в пределах монастырских вотчин, чья хозяйственная деятельность обеспечивала эти социумы и управлялась ими во всех сферах повседневной жизни, то после 1764 года произошло сжатие пространства монастырской повседневности до стен монастырского архитектурного комплекса (с незначительными у большинства монастырей хозяйственными владениями в виде лавок, сенокосных и рыболовных угодий, мельниц и заимок за его пределами). Однако и до, и после 1764 года существовала менее устойчивая во времени, но весьма значимая периферия монастырских ландшафтов в виде субъективных контактов монашествующих с кругом родственников и земляков, круга паломников (как в обители, так и паломничества монашествующих), круга учеников школ при монастырях, маршрутов крестных ходов с монастырскими святынями, пространства распространения монастырских святынь (списков чудотворных икон, передачи частиц мощей, освящения храмов и приделов в честь канонизированных иноков).

Антирелигиозная политика советской власти с 1917 года привела к ликвидации подавляющего большинства монастырей в стране, что не только подвергло физическому уничтожению или грандиозным утратам монастырские архитектурные ансамбли, но и вызвало сложные процессы трансформации монашеских социумов (переход монахов из закрытых

монастырей в еще действующие; уход монахов на службу в приходские церкви; поступление монахов и послушников на светскую службу и работу с сохранением интенсивного, зачастую неафишируемого общения с бывшими соратниками и частично монашеского образа жизни; духовное наставничество репрессированных монашествующих в лагерях ГУЛАГа и в катакомбных религиозных общинах).

Современный период возрождения религиозной жизни в России — время не только реставрации монастырских архитектурных комплексов, но и создания монашеского социума, осмысления его современных общественных функций (включая различные формы хозяйственной и культурной деятельности, благотворительности, осуществляемой не только внутри монастырских стен). Выбор тех или иных форм деятельности монастыря, да и сам характер реставрации монастырских комплексов в немалой степени зависит от своеобразного для каждой обители состава насельников, их жизненного опыта и культурного уровня, сформировавшегося еще до прихода в монастырь.

Все это обуславливает антропологизацию исторического осмысления монастырских ландшафтов на любом хронологическом отрезке их существования. Изучение монастырских ландшафтов на региональном и страновом уровнях также невозможно без анализа духовных персонализированных связей между обителями. Поэтому обращение к просопографии монашества вполне логично.

3. Просопография монашества

По определению признанных в западной историографии специалистов по просопографии К. Вербовена, М. Карлье и Ж. Дюмолина, «просопография — это *коллективная биография*, описывающая *внешние* черты группы населения, которую исследователь определил как имеющую нечто *общее* (по профессии, социальному происхождению, географическому происхождению и т. д.)». Просопография считается исследовательским подходом, используемым в русле социальной истории, суть которого состоит в попытке «собрать воедино все соответствующие биографические данные групп лиц в систематическом и стереотипном образе». Типичными целями просопографического исследования являются анализ социального расслоения, социальной мобильности, процессов принятия решений, функционирования институтов, социального окружения и т. д. Это максимально сближает просопографию с микроисторией, которая стремится получить представления о социальных структурах и процессах, определяющих повседневную социальную жизнь [Verboven et al.]. В российской историографии просопогра-

фию считают специальной исторической дисциплиной, для которой характерны свои методики работы с источниками [Юмашева, 2015, с. 148].

Хотя просопография начиналась как реконструкция биографий на основе использования максимально широкого круга источников (чаще всего применительно к представителям элитарных кругов общества, и эта традиция продолжается и сейчас, особенно применительно к истории поздней античности и Византии, см., например: [Петрова, 2004]), особую популярность среди историков просопография получила с конца 1960-х годов, когда в научный оборот стали активно вводиться массовые источники. С конца 1980-х годов в связи с широким использованием и в гуманитарных науках компьютерных технологий создание просопографических баз данных и проведение исследований на их основе приобрело более масштабный характер [Юмашева, 2005; Юмашева, 2015]. О спектре современных просопографических баз данных дает представление портал «Просопография» Оксфордского университета [Prosopography].

Одной из самых популярных тем исследований истории Русской Православной Церкви с конца 1980-х годов стало изучение социокультурных характеристик и повседневной жизни монашества. Наибольшее число работ посвящено периоду XIX — начала XX веков. В немалой степени это обусловлено структурой и сохранностью источниковой базы: именно за этот период имеется достаточно хорошо сохранившийся массив текущего церковного делопроизводства, частью которого были ведомости о монашествующих, имеющие стабильную информационную структуру (подробнее см.: [Нечаева, 2016]).

В ряде авторских монографий в качестве приложений содержатся биографические справочники [Запальский, 2007, с. 202—329; Кустова, 2012; Мохова, 2014, с. 366—567]. Имеются и отдельные издания биографических справочников по персоналиям монашества [Кузнецов, 2014; Монахологий, 2013; Насельники монастырей ... , 2015; Насельники Оптиной ... , 2017].

Однако для отечественных просопографических исследований монашества более, чем для других социальных групп, характерно минимальное использование программных ресурсов: справочники создаются на основе MS Word, что делает тексты удобными для группировки в печатных изданиях, но сводит к нулю возможности компьютерной обработки сводных просопографических показателей. Из машиночитаемых просопографических баз данных по российскому монашеству можно назвать две созданные автором данной статьи базы по мужскому и женскому монашеству Среднего Урала синодального периода (на основе СУБД MS Access), первая из них (по мужскому монашеству) имеет номер госрегистрации (№ 2011620459).

Эти базы данных создавались как проблемно-ориентированные, целью их использования был анализ монашеского образа жизни в православных обителях России синодального периода через составление типичного жизненного пути насельников и выявление основных факторов, его определявших. Для характеристики основных стадий жизненного пути фиксировалось социальное происхождение насельников, их жизнь в миру до ухода в монастырь, обстоятельства поступления в обитель, стадии жизни в монастыре. В настоящее время база данных «Мужские монастыри Среднего Урала» содержит сведения о 1822 персоналиях, структурированные по 107 полям, с представлением материалов 141 ведомости о монашествующих в хронологическом диапазоне 1722—1923 годы 17-ти православных обителей региона. База данных «Женские монастыри Среднего Урала» содержит сведения о 5934 персоналиях, структурированные по 86 полям, с представлением материалов 137 ведомостей о монашествующих в хронологическом диапазоне 1722—1920 годы 24-х православных обителей региона.

4. Результативность точек пересечения подходов

Анализ современной историографии и опыт создания просопографических баз данных по монашеству показывают, что области изучения монастырских ландшафтов и коллективных биографий монашеских социумов пересекаются по целому ряду предметных полей как на локальном, так и на региональном и страновом уровнях.

Поскольку рамки данной статьи не позволяют привести всю гамму фактических данных, полученных при работе с просопографическими базами данных, остановимся на основных параметрах, непосредственно касающихся монастырских ландшафтов.

Для анализа локальных ландшафтов важен учет социокультурного уровня монашеского социума, являвшегося носителем традиционной системы ценностей и образа жизни, определявших специфику монастырского типа культуры, выражаемого в ландшафте. Эти аксиологические характеристики складывались как под влиянием опыта мирской жизни до прихода в обитель, так и организации монашеской жизни. Опыт мирской жизни включал как социальный опыт, так и культурный. Например, наличие в составе насельников монастырей представителей крестьянства определяло формы организации управления вотчинным хозяйством, представителей служилого населения — опыт организации системы безопасности монастырских владений. Преобладание среди насельников монастырей бывшего приходского духовенства в определенный исторический период (после секуляризации 1764 года до введения общежительных норм) определяло

отсутствие в монастырях различного рода мастерских хозяйственного профиля и отказ ряда обителей от прямого управления хозяйственными угодьями. Для анализа материальной культуры монастырей и их архитектурного облика важна информация о географии мест жительства насельников до прихода в монастырь, поскольку они были носителями различных региональных традиций, а для анализа художественной ценности архитектурных ансамблей — учет уровня образованности и паломнического опыта насельников (в особенности настоятелей монастырей).

Анализ мест проживания насельников монастырей до поступления в монастырь показывает, что периферия монастырских ландшафтов менялась под влиянием как конкретно-исторических, так и субъективных факторов. География таких мест отражала как сферу известности обители, так и каналы формирования населения того или иного региона, политику монастыря по приему в число насельников и даже систему неформального лидерства в самом монашеском социуме.

Материалы баз данных по монашеству Среднего Урала показывают, например, что ареал привлекательности монастырей как мест принятия монашеского пострига был региональным на всем протяжении синодального периода и включал в основном территории соседних уездов и «родного» уезда обители. В первой четверти XVIII века монахи этого региона были в прежней мирской жизни представителями различных слоев населения Среднего Урала и регионов Русского Севера, для монастырей к востоку от Уральского хребта (имеются данные по Далматовским монастырям) был значим приток насельников из числа жителей Западной Сибири. Такая география мест мирского проживания отражала процесс складывания населения Среднего Урала, динамично протекавший в XVII — начале XVIII веков, и основные направления его передвижения. Для монастырей и пустыней, находившихся во владениях Строгановых, четко просматривается установка на прием «своих» — людей, проживающих в их вотчинах или связанных с людьми, находящимися со Строгановыми в тесных деловых или родственных контактах.

Материалы монастырей Среднего Урала XIX — начала XX веков, например, показывают даже более узкую региональную базу мест проживания их насельников — в основном соседние с монастырем уезды, что отражало, конечно, не сокращение известности этих обителей, а меньшую мобильность населения региона, период активного заселения которого уже прошел.

География мест проживания насельников мужских монастырей была шире, чем женских, что подтверждает разную степень мобильности мужчин и женщин в условиях XVIII — начала XX веков.

Анализ материалов баз данных выявляет и наличие отдельных, зачастую весьма отдаленных от монастыря «гнезд», откуда поступало большее число насельников, чем из многих более близких местностей. В общежительных монастырях Среднего Урала конца XIX — начала XX веков часто просматриваются своеобразные «землячества», более внимательный анализ которых позволяет выделить неформальных лидеров, явно сохранявших постоянные контакты со своими родными местами (подробнее см.: [Игумен Тихон (Затёкин) и др., 2006, с. 200—202; История, 2010, с. 114—115; Нечаева, 1998; Нечаева, 2002; Нечаева, 2005, с. 236—238]). В плане изучения монастырских ландшафтов выявление таких «гнезд» важно и как направление дальнейших поисков информации о иных формах контактов монастырей с мирским окружением. Можно предполагать в таких местах наличие копий или частиц монастырских святынь, фактов храмонаименования, связанного с монастырскими церквями и реликвиями.

Существенны для понимания монастырских ландшафтов и сведения о переходах и переводах из монастыря в монастырь насельников, особенно настоятелей. Традиции монашества передавались прежде всего через личный пример иноческой жизни и уставные нормы, поэтому установление персонифицированных связей между монастырями важно для анализа сети распространения монашества в региональном и страновом разрезе (см., например: [Нечаева, 2006]). На Среднем Урале в XIX — начале XX веках четко выделяются 2 сети монастырей, связанных внутри себя общностью уставных норм и трансляцией опыта иноческой жизни, эпицентрами которых были Екатеринбургский Новотихвинский женский монастырь и Белогорский Николаевский мужской. Целенаправленный характер имела и трансляция опыта иноческого общежития из Валаамского монастыря в Верхотурский Николаевский, а из него — в Далматовский Успенский на рубеже XIX—XX веков.

Более спорные результаты для изучения периферии монастырских ландшафтов дает анализ материалов о паломничествах иноков. В ведомостях о монашествующих сведения об отлучках насельников из обителей (в отпуска с различными, в том числе паломническими, целями) стали требовать только с начала XX века. В базах данных по монастырям Среднего Урала есть сведения только о 15 монахах и 10 монахинях, совершивших паломничества. Вряд ли эти сведения исчерпывающи. В ведомостях зафиксированы отлучки из монастыря на срок не менее 2 недель, можно предполагать, что монашествующие совершали и менее длительные паломничества, например, по святыням Урала и соседних регионов.

Особое значение имеют материалы просопографических баз данных для анализа трансформации монастырских ландшафтов после 1917 веков. Именно биографические материалы насельников в последние годы существования обителей становятся информационной базой для поиска сведений о их судьбах после закрытия монастырей в массиве дел о репрессированных (см., например: [Игумен Тихон (Затёкин) и др., 2006, с. 280—320]). Из этих дел восстанавливается картина закрытия монастырей, география рассеяния их насельников по другим обителям, приходским церквям или катакомбным общинам, что позволяет, хоть и по крупицам, реконструировать процесс разрушения монастырских ландшафтов и сохранения некоторых их фрагментов в советский период.

5. Выводы

Информационно-аксиологический подход к анализу монастырских ландшафтов делает и логичным, и неизбежным обращение к социальной истории. Использование просопографических данных позволяет выявить системообразующие связи монастырских ландшафтов регионального и странового уровней в виде персонализированных каналов передачи опыта организации жизнедеятельности монастыря (как формализованных — через назначение в рамках церковных структур, так и неформальных — через заимствование опыта, полученного путем духовного наставничества и паломнического опыта). На уровне локальных монастырских ландшафтов просопографические материалы позволяют выявить социокультурную среду формирования и функционирования монашеских социумов, содержат ценную информацию для анализа системных связей между ядром монастырского ландшафта (монастырь) и его периферией (хозяйственные владения, сеть интенсивных контактов с мирским окружением) в виде системы послушаний, родственных и земляческих контактов. Просопографические материалы являются базовой информационной основой и для изучения трансформации монашеских социумов в советский период. Для просопографических же исследований ландшафтный подход дает визуализацию ряда социокультурных характеристик коллективной биографии монашеского социума в комплексе природно-культурных объектов.

Литература

1. Ведин Ю. А. Культурные ландшафты как категория наследия / Ю. А. Ведин, М. Е. Кулешова // Культурный ландшафт как объект наследия : сборник научных трудов. — Москва ; Санкт-Петербург : Институт Наследия, Дмитрий Буланин, 2004. — С. 13—36.

2. *Запальский Г. М.* Оптиная пустынь и ее воспитанники в 1825—1917 годах : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / Г. М. Запальский. — Москва, 2007. — 329 с.
3. *Тихон (Затёкин)*, игумен. Уральская Лавра / игумен Тихон (Затёкин), М. Ю. Нечаева. — Екатеринбург : Изд-во Екатеринбургской епархии, 2006. — 480 с.
4. *История Екатеринбургской епархии* / Е. М. Главацкая, А. В. Мангилева, И. Л. Манькова, В. А. Мусихин, М. Г. Нечаев, М. Ю. Нечаева. — Екатеринбург : Сократ, 2010. — 552 с.
5. *Кузнецов В. А.* Русское православное зарубежное монашество в XX веке : биографический справочник / В. А. Кузнецов. — Екатеринбург : Барракуда, 2014. — 439 с.
6. *Кулешова М. Е.* Монастырский ландшафт : пример острова Анзер, Соловецкий архипелаг / М. Е. Кулешова // Культурный ландшафт как объект наследия : сборник научных трудов. — Москва ; Санкт-Петербург : Институт Наследия ; Изд-во Дмитрий Буланин, 2004. — С. 197—229.
7. *Кулешова М. Е.* Систематика культурных ландшафтов / М. Е. Кулешова // Культурный ландшафт как объект наследия : сборник научных трудов. — Москва ; Санкт-Петербург : Институт Наследия ; Изд-во Дмитрий Буланин, 2004. — С. 145—162.
8. *Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 2 : Справочные материалы / Е. В. Кустова. — Вятка [Киров] : Буквица, 2012. — 311 с.
9. *Михайлова Л. В.* Сакральная география Валаамского архипелага / Л. В. Михайлова // Геокультурное пространство Европейского Севера : генезис, структура, семантика : сборник научных статей. — Архангельск : С(А)ФУ, 2011. — С. 131—142.
10. *Монахологий* Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. — Святая Гора Афон : РПМА, 2013. — 822 с.
11. *Мохова Г. А.* Святая обитель. История Вятского Преображенского девичьего монастыря / Г. А. Мохова. — Киров : ВЕСИ, 2014. — 757 с.
12. *Насельники монастырей Московской епархии первой четверти XX столетия* : справочник / отв. исполн. С. Н. Романова. — Тверь : Булат, 2015. — 492 с.
13. *Насельники Оптиной пустыни XVII—XX веков* : биографический справочник / сост. иером. Платон (Рожков). — Оптиная пустынь : Введенский ставропигиальный мужской монастырь, 2017. — 806 с.
14. *Нечаева М. Ю.* Верхотурский Покровский монастырь в начале XX века / М. Ю. Нечаева // История Православия на Урале : материалы церковно-исторической конференции, посвященной 120-летию Екатеринбургской епархии, 29—30 ноября 2005 г. — Екатеринбург : Изд-во Екатеринбургской епархии, 2005. — С. 235—245.
15. *Нечаева М. Ю.* Первые тагильские монахини Мария Навзорова, Феозва Крузе, Татьяна Деева / М. Ю. Нечаева // Нижний Тагил в лицах. Общественные деятели Тагила XIX—начала XX веков. — Нижний Тагил, 1998. — С. 67—79.

16. Нечаева М. Ю. Исторические взаимосвязи православных монастырей Восточного Урала и Западной Сибири в XVII—первой четверти XX веков / М. Ю. Нечаева // Русский путь в Сибирь : материалы Межрегиональной научно-практической конференции, 29 октября 2003 г., г. Тюмень ; 13 июля 2004 г., г. Туринск. — Ирбит : Печатный вал, 2006. — С. 46—72.

17. Нечаева М. Ю. Инокни и послушники Красносельского Введенского монастыря / М. Ю. Нечаева // Слободо-Туринский район : история и современность. — Екатеринбург : Учебная книга, 2002. — С. 34—59.

18. Нечаева М. Ю. Православные монастыри и монашество синодально-го периода : традиции изучения / М. Ю. Нечаева // Научный диалог. — 2016. — № 12 (60). — С. 302—319.

19. Петрова М. С. Просопография как специальная историческая дисциплина : на примере авторов поздней античности, Макробий Феодосий и Марциан Капелла / М. С. Петрова — Санкт-Петербург : Алетей, 2004. — 230 с.

20. Шалапин С. О. К проблеме символической организации поморских монастырей XVII—начало XVIII вв. / С. О. Шалапин // XVII Ломоносовские Международные чтения. Выпуск 2 : Поморские чтения по семиотике культуры : сборник научных докладов и статей. — Архангельск : Поморский государственный университет, 2006. — С. 105—111.

21. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — Выпуск 10 : История. — 2005. — № 39. — С. 95—127.

22. Юмашева Ю. Ю. Историко-биографические исследования : методы и базы данных / Ю. Ю. Юмашева // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 4 (49). — С. 146—152.

23. Prosopography [Electronic resource]. — Access mode : <http://prosopography.modhist.ox.ac.uk>.

24. Verboven K. A Short Manual to the Art of Prosopography [Electronic resource] / K. Verboven, M. Carlie, J. Dumolyn // Prosopography research. — Access mode : http://prosopography.modhist.ox.ac.uk/course_syllabuses.htm.

Monastery Landscapes and Monkhood Prosopography: Intersection Points

© Nechayeva Marina Yuryevna (2017), orcid.org/0000-0003-3278-7269, PhD in History, senior research scientist, sector of methodology and historiography, Institute of History and Archeology, Ural branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia), atlasch@narod.ru.

The prospects for the use of prosopographic data for the study of monastery landscapes are discussed. The author's definition of monastery landscapes that takes into

account the specifics of historical research is given. The basic levels of monastery landscapes (local, regional, country) are considered. The most significant changes in the object database of monastery landscapes in the result of the secularizing reforms of 1764, the decree on the separation of Church and state in 1918 and the revival of religious life in Russia since the end of the 20th century are covered. Based on the analysis of contemporary historiography of the Russian monasticism of the Synod period and two author's database the possibility of using materials for prosopographic studies of landscapes are shown. Perspectivity for their use is mentioned in the study of Church organizational and spiritual links between the monasteries (monastery of regional and country landscapes), the geography of informal contacts of representatives of the monastic society in the world's periphery, religious practices of the monastic society, the social and cultural environment of formation and functioning of the monasteries (local monastic landscapes), and also in analysis of the transformation of monastery landscapes since 1917. For prosopographic studies of monasticism the landscape approach provides an opportunity to see the visualization of a number of socio-cultural characteristics of collective biography of the monastic society in the complex of natural-cultural objects.

Key words: cultural landscapes; monastery landscapes; monkhood; prosopography; Russian Orthodox Church; databases; history of monasticism.

References

- Glavatskaya, E. M., Mangileva, A. V., Mankova, I. L., Musikhin, V. A., Nechaev, M. G., Nechaeva, M. Yu. 2010. *Istoriya Yekaterinburgskoy eparkhii*. Yekaterinburg: Sokrat. (In Russ.).
- Kuleshova, M. E. 2004. Monastyrskiy landshaft: primer ostrova Anzer, Solovetskiy arhipelag. In: *Kulturnyy landshaft kak ob"ekt naslediya: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut Naslediya; Izd-vo Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Kuleshova, M. E. 2004. Sistematika kulturnykh landshaftov. In: *Kulturnyy landshaft kak ob"ekt naslediya: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut Naslediya; Izd-vo Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Kustova, E. V. 2012. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya, 2: Spravochnyye materialy*. Vyatka [Kirov]: Bukvitsa. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. A. 2014. *Russkoye pravoslavnoye zarubezhnoye monashestvo v XX veke: biograficheskiy spravochnik*. Yekaterinburg: Barrakuda. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. V. 2011. Sakralnaya geografiya Valaamskogo arhipelaga. In: *Geokulturnoye prostranstvo Evropeyskogo Severa: genezis, struktura, semantika: sbornik nauchnykh statey*. Arkhangel'sk: S(A)FU. (In Russ.).
- Mokhova, G. A. 2014. *Svyataya obitel'. Istoriya Vyatskogo Preobrazhenskogo devich'ego monastyrya*. Kirov: VESI. (In Russ.).
- Monakhologiy Russkogo Svyato-Panteleymonova monastyrya na Afone*. 2013. Svyataya Gora Afon: RPMA. (In Russ.).
- Nechayeva, M. Yu. 1998. Pervyye tagil'skiye monakhini Mariya Navzorova, Feozva Kruze, Tatyana Deeva. In: *Nizhniy Tagil v litsakh. Obshchestvennyye deyateli Tagila XIX—nachala XX vekov*. Nizhniy Tagil. (In Russ.).
- Nechayeva, M. Yu. 2002. Inokini i poslushnitsy Krasnoselskogo Vvedenskogo monastyrya. In: *Slobodo-Turinskiy rayon: istoriya i sovremennost'*. Yekaterinburg: Uchebnaya kniga. (In Russ.).

- Nechayeva, M. Yu. 2005. Verkhoturkiy Pokrovskiy monastyr' v nachale XX veka. In: *Istoriya Pravoslaviya na Urale: materialy tserkovno-istoricheskoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu Yekaterinburgskoy eparkhii*, 29—30 noyabrya 2005 g. — Yekaterinburg: Izd-vo Yekaterinburgskoy eparkhii. (In Russ.).
- Nechayeva, M. Yu. 2006. Istoricheskiye vzaimosvyazi pravoslavnykh monastyrey Vostochnogo Urala i Zapadnoy Sibiri v XVII—pervoy chetverti XX vekov. In: *Russkiy put' v Sibir': materialy Mezhtsebnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 29 oktyabrya 2003 g., g. Tyumen'; 13 iyulya 2004 g., g. Turinsk*. Irbit: Pechatnyy val. (In Russ.).
- Nechayeva, M. Yu. 2016. Pravoslavnyye monastyri i monashestvo sinodalnogo perioda: traditsii izucheniya. *Nauchnyy dialog*, 12 (60): 302—319. (In Russ.).
- Petrova, M. S. 2004. *Prosopografiya kak spetsialnaya istoricheskaya distsiplina: na primere avtorov pozdney antichnosti, Makrobiy Feodosiy i Martsian Kapella*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Platon (Rozhkov), ierom. (ed.). 2017. *Naselniki Optinoy pustyni XVII—XX vekov: biograficheskiy spravochnik. Optina pustyn': Vvedenskiy stavropigialnyy muzhskoy monastyr'*. (In Russ.).
- Prosopography*. Available at: <http://prosopography.modhist.ox.ac.uk>.
- Romanova, S. N. (ed.). 2015. *Naselniki monastyrey Moskovskoy eparkhii pervoy chetverti XX stoletiya: spravochnik*. Tver': Bulat. (In Russ.).
- Shalyapin, S. O. 2006. K probleme simvolicheskoy organizatsii pomorskikh monastyrey XVII—nachalo XVIII vv. In: *XVII Lomonosovskie Mezhdunarodnye chteniya. Vypusk, 2: Pomorskiye chteniya po semiotike kultury: sbornik nauchnykh dokladov i statey*. Arkhangelsk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).
- Tikhon (Zatekin), igumen., Nechaeva, M. Yu. 2006. *Uralskaya Lavra*. Yekaterinburg: Izd-vo Yekaterinburgskoy eparkhii. (In Russ.).
- Vedenin, Yu. A. 2004. Kulturnye landshafty kak kategoriya naslediya. In: *Kulturnyy landschaft kak ob'ekt naslediya: sbornik nauchnykh trudov*. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut Naslediya, Dmitriy Bulanin. (In Russ.).
- Verboven, K., Carlie, M., Dumolyn, J. A Short Manual to the Art of Prosopography. In: *Prosopography research*. Available at: http://prosopography.modhist.ox.ac.uk/course_syllabuses.htm.
- Yumasheva, Yu. Yu. 2005. Istorioografiya prosopografii. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki. Vypusk 10: Istoriya*, 39: 95—127. (In Russ.).
- Yumasheva, Yu. Yu. 2015. Istoriko-biograficheskiye issledovaniya: metody i bazy daniy. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 4 (49): 146—152. (In Russ.).
- Zapalskiy, G. M. 2007. *Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825—1917 godakh*: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).